

Цзян Хуай так и не задал вопрос. Он поднялся; воротник его свитера еще не был толком приведен в порядок, и Бо Цзянь, опустив взгляд, с легкостью разглядел на затылке Цзян Хуая укус, поразительно похожий на засос. Штанины тоже оставались подогнутыми — он просто не успел их расправить.

В таком виде Цзян Хуай и обнял его. Сжал руками его шею — крепко, до предела. Слова буквально вырывались сквозь стиснутые зубы, прозвучав почти шёпотом:

— Бо Цзянь, ты меня притягиваешь.

Совершая нечто совершенно немыслимое, Цзян Хуай, тем не менее, сохранял поразительную ясность ума.

«Раз уж обнял, — подумал он, — поцеловать ещё разок уже не зазорно».

Легко, словно упавшее пёрышко, Цзян Хуай коснулся губами щеки Бо Цзяня возле самого уголка рта:

— Сегодня особенно сильно.

Примечание автора:

Цзян Хуай: Этот сукин сын меня погубит :)

Другое название романа: «История краха сильнейших».

Притяжение всегда взаимно.

Бо Цзянь прекрасно понимал: его привлекательность для Цзян Хуая строилась в основном на феромонах — чувствительность Цзян Хуая к его феромонам была необычайно высокой. Это был всего лишь ультиматум природы, ограниченный рамками периода метки.

Но у него самого всё было иначе.

Он привлекал не феромонами. И сам зависел не от них. У него не было срока годности... Разве что отчасти: его период восприимчивости выпадал как раз на конец месяца, то есть на эти самые дни.

Альфа в период восприимчивости становится необычайно тревожным и беспокойным, остро испытывает нехватку чувства безопасности, а его желания могут вспыхивать с невероятной силой.

Цзян Хуай приподнял веки. Бо Цзянь смотрел на него, и выражение его лица казалось вполне спокойным.

Обнял — обнял. Поцеловал — поцеловал. Ощущения неплохие. Вопрос в другом: как теперь всё это замять? К тому же Цзян Хуай понял, что эта жажда телесного контакта ненасытна: если не можешь обнять — до судорог хочется прижаться, обнимешь — тянет поцеловать, поцелуешь... а хочется еще большего, чего-то совсем близкого. Слиться без малейшего зазора.

«Это же, блядь, прямое подстрекательство к преступлению», — подумал Цзян Хуай.

Поцелуя в щеку достаточно. Думать о чем-то еще — уже перебор.

Бо Цзянь опустил глаза. У него были светлые радужки и очень светлая кожа — он казался холодным, будто выточенным из нефрита.

Цзян Хуай опустил взгляд на свою руку, перехваченную Бо Цзянем. Ладонь Бо Цзяня прижималась к тыльной стороне его кисти, а слегка согнутые пальцы касались ладони Цзян Хуая. Температура тела Бо Цзяня была аномально высокой.

Бо Цзянь понизил голос и спросил слегка сипло:

— Можно я обниму тебя в ответ?

— В медпункте стоят камеры, — сказал Цзян Хуай.

— Я знаю.

— ...Я тоже знаю.

Бо Цзянь провёл руками у него под мышками и положил ладони ему на спину. Они оказались прижаты друг к другу практически грудь к груди. Цзян Хуай никогда ни с кем не сближался настолько; он инстинктивно выказывал отторжение и не любил подобную интимность. Первым порывом было оттолкнуть Бо Цзяня... но феромоны не позволили. Постояв так некоторое время, он поднял руки, обнял Бо Цзяня в ответ и с обречённым видом вздохнул:

— С тобой то же самое?

Бо Цзянь ничего не ответил.

Цзян Хуай принял молчание за знак согласия, и у него тут же возникло дежавю, будто председатель Бо превратился в оступившегося подростка.

Тонкий, прохладный аромат феромонов медленно окутал их. На запах он был холодным, но заставлял всё тело гореть, туманя даже разум. Казалось, если не напрячь поясницу и ноги, то растаешь в объятиях Альфы бесформенной лужицей.

Цзян Хуай слегка повернул голову и произнес ледяным тоном:

— Председатель, держи свои феромоны при себе.

Но его подбородок покоился на плече Бо Цзяня, и, поворачивая голову, он кончиком носа почти задел его ушную раковину. Непривычное ощущение объятий, тесная, наполняющая близость заставляли сердце бешено колотиться.

Бо Цзянь слегка ослабил хватку и тихо сказал:

— Не могу убрать.

— Ты меня соблазняешь.

Цзян Хуай почувствовал, как что-то мягкое и горячее невзначай коснулось его уха, и Бо Цзянь спросил:

— И у тебя есть реакция?

— ...

Цзян Хуай ничего не ответил.

Потому что реакция была у Бо Цзяня.

Бо Цзянь опустил руки, отпустил его и, слегка отвернувшись, тихо произнес с опущенным взглядом:

— Извини. Период восприимчивости.

Кадык Цзян Хуая дернулся.

Он резко поднялся, ничего не сказав, задел плечом Бо Цзяня и выскочил за дверь.

Женщина-врач увидела выходящего Цзян Хуая: штанины всё ещё не опущены, свитер перекошен и изрядно помялся, из хвостика выбилось несколько прядей. Второй ученик ещё не вышел. Она спросила:

— Сафлоровое масло дотерли?

— Угу. Посчитайте, сколько с нас.

— Всего четыре юаня пятьдесят фэней... Ученик, приведи в порядок одежду. У меня есть расчёска, хочешь воспользоваться?

Цзян Хуай помедлил пару секунд:

— Ох, ладно, спасибо.

Наблюдать за тем, как парень причесывается, было довольно любопытно, поэтому женщина-врач бросила на него пару лишних взглядов. А он делал это весьма ловко.

Бо Цзянь толкнул дверь и вышел.

В отличие от Цзян Хуая, школьная форма Бо Цзяня сидела безупречно аккуратно, даже шнурки не сбились — ни единого отличия от того, как он входил. Первым делом он увидел Цзян Хуая, собиравшего снаружи волосы в хвост.

Он подошёл и, опустив взгляд, спросил:

— Ты каждый день расчесываешься?

Цзян Хуай, удерживая в губах чёрную резинку для волос, даже не поднял головы:

— Чуть не неси. Ты по утрам не причесываешься?

— Тебе помочь?

— Не надо. Иди первым в класс.

Спустя пять минут Цзян Хуай с лицом человека, идущего на похороны, вместе с Бо Цзянем вышел из медпункта.

Они шли не слишком близко, но и не отдаляясь, по обе стороны тропинки.

И почти одновременно.

Цзян Хуай повернул голову:

— В эти дни держись от меня подальше.

Бо Цзянь тоже повернулся:

— Спина всё еще болит?

— ... — Цзян Хуай нахмурился. — Не болит.

Бо Цзянь отстраненно откликнулся: «О». Но Цзян Хуай не понял, к чему относилось это «о», поэтому повторил еще раз:

— В эти дни держись от меня подальше.

Бо Цзянь сделал вид, будто не понимает, о чем речь. Он слегка склонил голову, глядя на него; солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев, озаряя этого примерного ученика почти святым сиянием:

— Почему?

Цзян Хуай насупился еще сильнее. Сам ведь прекрасно понимает!

— А ты как думаешь? — со сдвинутыми бровями переспросил он.

Бо Цзянь будто задумался на пару секунд, опустил ресницы, и взгляд его слегка дрогнул:

— Ты... не хочешь брать на себя ответственность?

Цзян Хуай застыл на месте:

— ?

Бо Цзянь тоже остановился вслед за ним и неторопливо произнес:

— Я человек, который привык думать на дальнюю перспективу.

Цзян Хуай замолчал, неодобрительно уставившись на председателя Бо.

Председатель Бо опустил темные глаза:

— Сосед спереди, а ты случайно не давно в меня влюблен?

Цзян Хуай:

— ?

Цзян Хуай хотел спросить: «Ты совсем из ума выжил?», но вспоминая собственные недавние выкрутасы, ему самому становилось тошно. Обругать Бо Цзяня сейчас означало бы обругать самого себя.

Поэтому он ответил:

— Нет. — Он сделал паузу. — С чего ты вообще это взял?

Председатель Бо вздохнул:

— Ты обнял меня, поцеловал... и при этом не любишь меня. Разве это не безответственность?

Цзян Хуай:

— ??

Гений логики, блядь?

Цзян Хуай долго молчал, а потом выдохнул:

— Сука. Если не хочешь, чтобы я и дальше поступал безответственно, держись от меня подальше. Понял?

Бо Цзянь бросил на него взгляд:

— И это всё?

— ...А чего ты ещё хочешь?

— А компенсация будет?

— ...

Цзян Хуай хохотнул с сарказмом:

— И какую же компенсацию ты хочешь?

Прозвенел звонок с первого дневного урока. У корней деревьев лежало несколько сухих листьев.

Порыв ветра дунул им в лица. Бо Цзянь повернул голову, взгляд его стал лениво-прохладным:

— Цзян Хуай, у тебя ведь всё ещё хранится та записка, верно?

Цзян Хуай не ожидал, что Бо Цзянь резко сменит тему, и его лицо постепенно остыло:

— Бо Цзянь, это дело тебя не касается, и эта страница уже перевернута.

Взгляд Бо Цзяня скользнул по его талии и задержался на коленях Цзян Хуая. Без поспешности, без утайки — Цзян Хуай отчетливо чувствовал, куда именно смотрит Бо Цзянь и где прошелся его взгляд.

Бо Цзянь приоткрыл губы:

— Думаешь, перевернута?

Цзян Хуай сжал кулаки:

— Тебе-то какое дело.

— У тебя есть другие слова для отказа? — спросил Бо Цзянь.

Цзян Хуай посмотрел на него, словно на незнакомца, без единой эмоции:

— Мы с тобой настолько близки, чтобы я при отказе ещё и трудился подбирать ласковые слова, дабы ублажить твоё самолюбие?

На тыльной стороне ладони Бо Цзяня вздулись жилы, хотя лицо оставалось невозмутимым:

— Нет, — произнес он. — Я лишь исполняю обязанности председателя студенческого совета.

Цзян Хуай фыркнул:

— Обязанность председателя студенческого совета — вершить справедливость?

— Именно.

Выражение лица Цзян Хуая, напротив, немного смягчилось. Глядя на Бо Цзяня, он произнес:

— С этим вы правда ничего не поделаете, так что пусть прошлое остаётся в прошлом. Те гопники мне всё равно ничего сделать не смогут.

Он шагнул вперед, уже с меньшей жесткостью добавив:

— Если снова ворошить эту историю... не говоря уже о последствиях, это никому добра не принесет, разве нет?

Бо Цзянь смотрел Цзян Хуаю в спину.

Спустя долгое время он спросил:

— А каково это — взваливать на свои плечи абсолютно все ошибки и последствия? Приятное чувство?

Цзян Хуай остановился.

Бо Цзянь спросил:

— Считаешь, что от этого твоя жизнь обретает какую-то особую ценность?

Цзян Хуай обернулся. Его взгляд был холодным и отстраненным.

Бо Цзянь разомкнул губы:

— Это глупо. Мало кто скажет тебе спасибо, у большинства это вызовет лишь отвращение.

Цзян Хуай поднял руку и ткнул пальцем в сторону Бо Цзяня:

— Всё. Хватит. Знай меру.

<http://bllate.org/book/18377/1766528>